

ДУХОВНЫЙ ПАСТЫРЬ НА КАФЕДРѢ ¹⁾.

Проповѣдникъ, если онъ хочетъ дѣйствовать благотворно, долженъ прежде всего быть проникнутъ сознаніемъ важности и необходимости своего призванія. Можетъ ли быть что нибудь важнѣе и достойнѣе нашихъ усилій и трудовъ, можетъ ли что болѣе заслуживать нашу заботливость, какъ борьба съ невѣрующими, потрясеніе равнодушныхъ и вольнодумцевъ, обращеніе грѣшниковъ, утвержденіе вѣрныхъ? Но все это достигается посредствомъ проповѣди слова Божія, представляющей намъ самыхъ лучшихъ побужденій и средства къ жизни добродѣтельной.

Проповѣдническая должность сама по себѣ въ высшей степени важное призваніе; но если она въ нашихъ рукахъ не приноситъ той пользы, какую, по намѣренію Божію, должна приносить, то причина этого заключается въ дурномъ исполненіи ея. наше извращенное душевное состояніе—вотъ причина того, почему мы эту, по своей природѣ столь благотворную, должность дѣлаемъ не дѣйствительною!

Еслибы мы были святыми, то были бы самыми лучшими проповѣдниками. «Если ты хочешь хорошо проповѣдывать», говоритъ одинъ благочестивый писатель, «то ты долженъ во первыхъ: «хорошо молиться», во вторыхъ: «хорошо молиться»,

¹⁾ Статья франц. писателя H. Dubois.

и въ третьихъ, четвертыхъ, десятыхъ: «хорошо молиться». Кто проповѣдывалъ лучше нашего божественнаго Спасителя? Но кто и молился такъ, какъ Онъ?

Если ты ревностенъ въ молитвѣ, то Господь сообщать тебѣ огонь душевной ревности, и этимъ огнемъ ты легко будешь потомъ возжигать сердца вѣрующихъ къ божественной любви. Обрати испытующій взглядъ на свое внутреннее состояніе и спроси себя откровенно: имѣешь ли ты душевную ревность? Трогается ли твое сердце, если ты замѣчаешь безотрадное состояніе грѣшниковъ? Чувствуешь ли ты въ себѣ сильное побужденіе принести для ихъ обращенія величайшія жертвы? Если ты взошелъ на каѣдру, не имѣя никакой душевной ревности, если ты хочешь согрѣвать другихъ, будучи самъ холоденъ; то лучше сойди съ каѣдры, и поищи себѣ прежде всего душевной ревности, великой душевной ревности, горячей и одушевляющей душевной ревности. Когда найдешь такую ревность, тогда восходи на каѣдру,—тогда ты достоинъ ея.

Убѣгай міра, а если являешься между людьми, то являйся съ словами кротости, любви и назиданія. Чѣмъ менѣе знаютъ твою частную жизнь, тѣмъ выше стаешь ты въ мнѣніи народа. Очень справедливо говорить древнее изреченіе: «никто не почитается своимъ слугою за великаго человѣка». Почему? Потому что общество знаетъ только достоинства и заслуги великаго мужа, а слуга знаетъ и его слабости.

Изучай прилежно свящ. Писаніе, догматику и мораль. Въ каждой проповѣди должно проявляться, что ты проводишь свою жизнь въ этихъ трехъ оружейныхъ палатахъ христіанскаго проповѣдника. Безъ познанія св. Писанія твои проповѣди только скелеты; имъ недостаетъ нервовъ, мускуловъ, всего, чѣмъ проявляется жизнь: жизненнаго духа нѣтъ тамъ. Безъ основательнаго знанія догматики и морали имъ недо-

стаетъ вѣрности, точности, православія. Очень полезно также ближе знакомиться съ аскетическою литературою. Кто обладаетъ хорошимъ аскетическимъ образованіемъ, тотъ проповѣдуетъ съ невѣроятною легкостію; потому что имѣетъ большой запасъ прекрасныхъ мыслей, которыя какъ бы сами собою приходятъ въ голову.

Если кто посылается для проповѣданія, то долженъ хорошо приготовиться къ этому, и не медлить слишкомъ долго исполненіемъ этого священнаго призванія. Не должно быть робкимъ; страхъ предъ проповѣдію болѣе всего овладѣваетъ тѣмъ, кто рѣдко проповѣдуетъ. Нерѣдко даже опытнымъ проповѣдникамъ, если они долгое время не были на кафедрѣ, бываетъ очень трудно снова взойти на нее, такъ что проповѣданіе кажется имъ дѣломъ самымъ тяжкимъ.

Проповѣднику нужно побороть три великія искушенія: лѣнь, гордость и зависть. Лѣнивъ тотъ, кто вовсе не проповѣдуетъ, хотя по своимъ способностямъ могъ бы съ пользою проходить это высокое званіе; лѣнивъ тотъ, кто не надлежаще готовится къ своей проповѣди. Гордъ, кто при выборѣ матеріи для проповѣди смотритъ не столько на полезныя, сколько на поразительныя и блестящіе предметы; гордъ, кто употребляетъ изысканныя выраженія, чтобы заслужить похвалу у своихъ слушателей за прекрасный и искусственный слогъ; гордъ наконецъ тотъ, кто въ этомъ божественномъ призваніи ищетъ своей собственной чести и гонится за суетными похвалами. Завистливъ тотъ, кто критикуетъ проповѣди своего собрата, которыхъ народъ слушаетъ охотно и съ пользою; завистливъ, кто радъ бываетъ, когда ему говорятъ, что тотъ или другой проповѣдникъ не находитъ никакого сочувствія и его проповѣди не охотно слушаютъ.

Гомилетика предлагаетъ намъ различныя формы проповѣди; она различаетъ между проповѣдями: катехизическія по-

ученія и проповѣди въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, или слова. Которой изъ этихъ формъ пастырь долженъ держаться? По нашему мнѣнію, проповѣди при обыкновенномъ богослуженіи, въ извѣстныхъ приходахъ, должны быть катехизическія, т. е. должны излагать ясно и точно все вѣроученіе и нравоученіе въ послѣдовательности. Этимъ ни въ какомъ случаѣ не говорится, что можно не обращать вниманія на церковныя праздничныя времена, и что не должно слѣдовать правиламъ краснорѣчія. Искусный проповѣдникъ можетъ раздѣлять свои поученія такъ, что излагаемое имъ вѣроученіе и нравоученіе всегда будетъ принаровлено къ извѣстному времени, или празднику; при нѣкоторомъ умѣньи, предусмотрительности и заботливости, онъ легко найдетъ переходъ отъ всякаго евангельскаго рассказа къ своей главной темѣ, и никогда не забудетъ въ своей проповѣди основательнаго изложенія истинъ вѣры. Но при этомъ нужно пользоваться и краснорѣчіемъ, какъ средствомъ доставить проповѣди доступъ въ сердца.

Проповѣдникъ, который не слѣдуетъ этому методу и вмѣсто катехизическихъ поученій предлагаетъ своимъ прихожанамъ отдѣльныя проповѣди, оставляя своихъ слушателей въ невѣдѣніи касательно многихъ и важныхъ частныхъ христіанскаго ученія, существенно погрѣшаетъ противъ своего священнѣйшаго долга, которымъ онъ обязывается учить всему, что повелѣлъ преподавать божественный Учитель. Если народъ вмѣсто наученія, которое ему обязаны преподавать пастыри, находитъ въ проповѣдяхъ своего духовнаго отца только дурно переваренные куски безплоднаго краснорѣчія, которое нисколько не способствуетъ къ устраненію религіознаго невѣжества; то горе тогда этому слѣпому вождю, который не хочетъ видѣть, что онъ самъ причиною невѣжества ведомыхъ имъ!

Но эпитъ не должна быть исключасма собственно проповѣдь, которая состоитъ въ раскрытіи какой нибудь одной мысли, взятой изъ суммы христіанскихъ истинъ. Та проповѣдь, которая говорится въ сельскимъ прихожанамъ и въ обыкновенное время, можетъ имѣть форму катихизическаго поученія; но проповѣдь, произносимая при торжественномъ богослуженіи и въ городахъ, должна имѣть форму слова. Последній родъ проповѣдыванія уместенъ также въ великіе праздничные дни, когда общественное настроеніе вообще требуетъ чего либо особеннаго; онъ очень приличенъ также для священнаго времени постовъ, говѣнія. Что касается, наконецъ, бесѣды, т. е. аналитическаго изъясненія евангельскихъ чтеній, то въ употребленіи ихъ нужно быть въ высшей степени бережливымъ, такъ какъ онѣ болѣе занимательны, чѣмъ полезны. Лучше всего пригодны для этого притчи, потому что въ нихъ господствуетъ по крайней мѣрѣ одна мысль.

Если коснемся собственно сочиненія проповѣди, то первый вопросъ, который здѣсь нужно принять во вниманіе, есть слѣдующій: что должно избирать для темы? Во всякомъ случаѣ—истину изъ догматики или нравоученія. Въ первомъ отношеніи излагай въ своихъ проповѣдяхъ всѣ догматы, но особенно тѣ, которые служатъ предметомъ нападенія нечестивыхъ. Совѣтуйся съ опытными богословами и проси ихъ, чтобы они откровенно сказали о томъ, сильно ли и искусно ли твое слово, но не изыскивай себѣ, по тщеславію, такого предмета, который бы превосходилъ твои силы, относительно котораго ты не надлежаше наученъ: лучше вовсе не доказывать, чѣмъ доказывать дурно и тѣмъ компроментировать себя ч. 4-мѣтъ.

Что касается нравоученія, то здѣсь предлагается неизмѣримое поле; только не каждый предметъ въ одинаковой степени полезенъ. Избирай поэтому добросовѣстно и предъ

лицемъ Бога такой предметъ, который кажется тебѣ самымъ полезнымъ для твоихъ слушателей. Если порокъ въ твоёмъ приходѣ не очень распространенъ, то ты не долженъ говорить противъ него никакой особенной проповѣди. Мы много разъ имѣли случай слушать страшныя проповѣди противъ страха предъ людьми, и притомъ въ такихъ церквахъ, въ которыхъ, можетъ быть, не находилось ни одного человѣка, подверженнаго этому пороку. Не говори слѣдовательно: «о, что это за прекрасная тема! Это можно прекрасно исполнить! Я могу, я надѣюсь изложить это блестящимъ образомъ! Я беру это!» Но я тебѣ говорю: «не бери этого, если оно только прекрасно»; къ твоимъ услугамъ есть много другаго, что несравненно болѣе принесетъ пользы. Изберешь ли ты между благородными камнями блестящій, если ты знаешь, что онъ низшій по достоинству?

Говори сильныя проповѣди о великихъ истинахъ спасенія, о грѣхѣ, вѣчномъ блаженствѣ, смерти, судѣ, адѣ, небѣ, милосердіи Божию и проч. Но дѣлай это не такъ, какъ извѣстныя новомодныя проповѣдники, которые думаютъ, что пламя ада должно если не потухнуть, то по крайней мѣрѣ остаться безъ вниманія,—что будто бы евангеліе нашего божественнаго Учителя во всей строгости его догматовъ должно было проповѣдываться только до начала девятнадцатаго столѣтія. Проповѣдуй, слѣдов., смѣло и въ апостольскомъ духѣ о важнѣйшихъ истинахъ, но и не переступай мѣры; будь точенъ, совершенно точенъ въ твоихъ изображеніяхъ; помни, что есть истины, на которыя слѣдуетъ только указать, чтобъ произвести въ человѣкѣ страхъ, и слѣд. нѣтъ никакой нужды прибавлять къ нимъ какіе нибудь воображаемые страхи.

Должно ли записывать проповѣди прежде сказыванія или нѣтъ? Нашъ отвѣтъ на этотъ вопросъ «утвердительный». Если ты молодъ, то пиши, пиши не задумываясь. Какъ бы

ты талантливъ и краснорѣчивъ ни былъ,—«пиши». Вѣрь мнѣ, юный собратъ, я желаю тебѣ добра; слушайся поэтому моего дружескаго совѣта. Ты обладаешь болѣе фантазією, чѣмъ основательностію, или лучше—ты не можешь имѣть никакой, вовсе никакой основательности; ты имѣешь, вѣрь мнѣ, только обыкновенную способность; въ тебѣ жаръ юношескій. Когда твоя фантазія отъ времени до времени будетъ терять свой огонь и свой живописный полетъ и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе утихать; тогда ты будешь совершенно бѣденъ, если ты въ началѣ своего священства не писалъ своихъ проповѣдей.

Но если ты (хорошо замѣть прибавленные условія) уже много лѣтъ на службѣ, много изучалъ св. писаніе, догматику, мораль, аскетику и хорошія проповѣдническія сочиненія; если ты приобрѣлъ себѣ нѣкоторую опытность, расширилъ кругъ своихъ познаній, упорядочилъ свою фантазію, изучилъ міръ, не вступая однако съ нимъ въ близкія связи, извѣдалъ человеческое сердце, не принимая участія въ его житейскихъ стремленіяхъ; если наконецъ со всѣмъ этимъ ты соединяешь высокое благочестіе, за которое Богъ всегда даетъ свое благословеніе, и большое искусство въ словѣ: то въ такомъ случаѣ ты можешь ограничиваться тѣмъ, чтобы проповѣдывать по написанному расположенію, особенно если не имѣешь достаточно времени для полной обработки своей проповѣди. Дѣлай себѣ въ такомъ разѣ подробный планъ, въ которомъ содержались бы всѣ твои главныя мысли. А для того, чтобы дѣло пошло безопаснѣе и лучше, ты очень хорошо сдѣлаешь, если будешь писать вполнѣ вступленіе; пиши также вполнѣ и заключеніе, этимъ ты особенно можешь увлекать и одушевлять своихъ слушателей. Наконецъ хорошо дѣлать это и относительно такихъ мѣстъ, отъ которыхъ ты ожидаешь наибольшаго дѣйствія.

Если ты обладаешь даромъ—говорить или вовсе безъ приготовленія, или проговоряясь только въ малой степени; то въ такомъ случаѣ непремѣнно пни свои проповѣди, иначе, въ извѣстные дни, когда трудно будетъ проповѣдывать, ты сдѣлаешься несноснымъ для своихъ слушателей. Ты будешь тогда приводить только избитыя фразы, къ тому жъ будешь закатъся и всегда опять возвращаться къ одному и тому же. Вѣчныя повторенія, о, они—мука для слушателей, и происходятъ къ несчастію отъ частыхъ импровизаций! Каждый человѣкъ, какъ бы ни былъ великъ его талантъ, имѣетъ извѣстный кругъ идей, который ему свойственъ и изъ котораго онъ не выходитъ. Въ разнаго рода проповѣдяхъ онъ такимъ или инымъ путемъ постоянно возвращается къ своимъ обыкновеннымъ оборотамъ и выраженіямъ. Но это необыкновенно утомляетъ слушателей; и, что всего удивительнѣе, даже самые простые и необразованные люди подмѣчаютъ эти вѣчныя повторенія и дѣлаютъ ихъ предметомъ своей критики.

Какого тона должно теперь держаться при изложеніи своихъ темъ? Можно ли проповѣдывать сурово, или надобно проповѣдывать мягко? Это много зависитъ, прежде всего, отъ предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Но надобно взять во вниманіе и то, что каждый проповѣдникъ имѣетъ свой способъ изложенія проповѣдей, который зависитъ отъ его характера и проявляется во всемъ, что бы онъ ни проповѣдывалъ. Кроткій человѣкъ не такъ будетъ излагать суровую тему, какъ тотъ, который отъ природы серьезенъ; а кто имѣетъ серьезный характеръ, тотъ не такъ будетъ излагать мягкую тему, какъ тотъ, который отъ природы обладаетъ большимъ запасомъ кротости. Каждый изъ насъ долженъ слѣдовать своей природѣ и показывать себя такимъ, каковъ онъ есть, т. е. проповѣдывать совершенно естественно.

Серьезному проповѣднику нейдетъ, если онъ хочетъ быть умиленнымъ; онъ тогда не произведетъ желаннаго впечатлѣнія. Если напротивъ того кроткій человекъ хочетъ разразиться громами и молніями, то онъ дѣлается для своихъ слушателей сибирнымъ; никто ему не вѣритъ, ибо всякій знаетъ, что онъ не раздражительнаго характера. Слѣдуй поэтому (пусть будетъ еще разъ сказано), слѣдуй своей природѣ.

Тѣмъ, которые обладаютъ энергическимъ и огненнымъ характеромъ, мы совѣтовали бы хотя изрѣдка показывать своимъ слушателямъ очевидные знаки участія. Слушатели, не привыкши къ подобному участію, будутъ тронуты опыномъ и примутъ его съ большою благодарностію. Тѣмъ же, которые отъ природы спокойны и кротки, мы посовѣтовали бы, чтобы тамъ, гдѣ ихъ предметъ требуетъ болѣе живости, они откладывали въ сторону свою кротость, и принимали энергическій и нѣсколько строгій тонъ: потому что слушатели, привыкши видѣть тебѣ въ высшей степени кроткимъ, могутъ подумать, что истины, которыя ты высказываешь, въ высшей степени важны, даже страшны, такъ какъ ты можешь говорить о нихъ не иначе, какъ вышедши изъ обыкновенной твоей умѣренности, спокойствія и кротости.

Часто приходится слышать: это остроумнѣйшій и основательнѣйшій проповѣдникъ, а это—поверхностный; ему недостаетъ богословскаго образованія; миссіонеры проповѣдуютъ не такъ учено, но пламеннѣе и одушевленнѣе и т. д. Что должно сказать объ этихъ и подобныхъ сужденіяхъ?

По нашему мнѣнію, есть три, одинъ отъ другаго рѣзко отличающіеся, классы проповѣдниковъ, которые излагаютъ евангельскія истины различно, потому что разсматриваютъ ихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Одни стараются изслѣдовать эти истины; они глубоко пропикаютъ въ таинственность ихъ, и изъясняютъ ихъ съ большою ученостію, — философско-богословскимъ способомъ. Другіе входятъ въ эти истины, правда, не такъ основательно и глубоко, но освѣщаютъ и развиваютъ ихъ настолько, что народъ можетъ научиться знать и любить вѣроученіе и нравоученіе христіанства. Послѣдніе накопецъ вовсе не вникаютъ въ эти истины, но только касаются ихъ и, едва обозначивъ оныя, ослѣпляютъ своихъ слушателей ничтожнымъ краснорѣчіемъ; т. е. они представляютъ фантазія цѣлую галерею образовъ, которые считаютъ восхитительными, или же стараются тронуть сердце сантиментальными тирадами.

Которому изъ этихъ трехъ классовъ подражать?

Первый, по нашему мнѣнію, вообще ненародеиъ. Онъ годенъ только для опредѣленнаго круга слушателей, который состоитъ не изъ женщинъ, а изъ мужчинъ, знакомыхъ съ серьезной наукой и обладающихъ глубокимъ пониманіемъ. Но и говоря къ такимъ слушателямъ, нужно отъ времени до времени переносить ихъ изъ глубины учености на ту священную гору, гдѣ Спаситель возвышеннѣйшія истины проповѣдывалъ народу съ совершенно божественною простотою. При этомъ ограниченіи ученая проповѣдь можетъ способствовать къ прославленію Бога и спасенію души; но она рѣдко будетъ привлекать массу, потому что ученость будетъ давить ее.

Второй родъ совершенно популяренъ; онъ хорошъ, очень хорошъ, особенно если онъ занимаетъ отъ перваго точность и систематичность, а отъ третьяго краску, одушевленіе и чувство. Такъ дѣлаютъ миссіонеры, и они поступаютъ хорошо; потому что такимъ образомъ всякій народъ можно привести къ истинѣ спасенія. Этотъ родъ учености приближается къ внетехнической проповѣди; только онъ долженъ быть нѣсколько проще и искреннѣе ея.

Третій родъ не достойнъ никакого вниманія. Онъ ничего не стоитъ. Это игра, пустое фразерство; это дѣйты, которые не приносятъ никакихъ плодовъ.

Какъ бы ни былъ суровъ твой характеръ, ты все таки не долженъ считать себя въ правѣ—оскорблять своихъ слушателей горькими и злобными упреками, или обидными колкостями. Великій Боже! въ сколь многихъ церквахъ приходится—къ сожалѣнію—слышать такіа ненавистныя колкости которыя народу даютъ соблазнъ, а на духовнаго пастыря навлекаютъ неразрушимую вражду!—Поэтому будемъ далеки всегда отъ всякихъ прямыхъ и непрямыхъ намековъ на опредѣленные лица; будемъ слѣдовать этому предписанію такъ точно, какъ будто бы мы сдѣлали обѣтъ постоянно соблюдать его. Относительно малаго безпорядка, который встрѣчается въ церкви, никогда не должно дѣлать замѣчаній въ сердитомъ тонѣ, потому что такой тонъ нецрїятно дѣйствуетъ на слушателей.

Какъ же не раздражаться, въ нашемъ прискорбію, мы слышали проповѣдниковъ, которые въ то мгновеніе, когда ихъ броткое слово, менѣе всего позволяло ожидать напряженія, вдругъ перемѣняли тонъ, чтобы произнести грубую хулу, а потомъ опять возвращались къ льстящему тону умиленія, который въ этотъ разъ ни на кого не производилъ впечатлѣнія.

Какія главные принадлежности хорошаго слога? Прежде всего онъ долженъ быть «ясенъ», такъ ясенъ, чтобы всѣ слушатели совершенно понимали твою проповѣдь. При каждой проповѣди, которую ты обрабатываешь, ты долженъ задать себѣ вопросъ: какую пользу можешь извлечь изъ ней земледѣлецъ, ремесленникъ, слуга и т. п. Совершенно неестественно, и даже вреднымъ образомъ удовлетворяютъ двадцать или тридцать образованныхъ, а массу народа оставляютъ безъ всякой духовной пищи. Будь твердо убѣжденъ, что образованные и

ученые охотно слушают того проповѣдника, который, будучи одушевленъ ревностію о спасеніи душъ, старается популярнымъ и фамиліарнымъ изложеніемъ привлечь вниманіе народа.

Далѣе, слогъ долженъ быть «прекрасенъ». Но эта красота не должна дѣлать никакого ущерба ясности. Поэтому, если бы представился такой случай, что надлежало избрать одно изъ двухъ: или пожертвовать красотою для ясности, или пренебречь ясностію для красоты; то должно безъ всякаго сомнѣнія красоту принести въ жертву ясности, какъ дѣлалъ это наприм. блж. Августинъ, который употреблялъ барбаризмъ, когда обыкновенная рѣчь не довольно ясно выражала содержаніе его мысли.

Слогъ долженъ быть «не растянутый, но и не слишкомъ сжатый». Высказывай то, что необходимо для выраженія твоей мысли, и ничего болѣе. Чрезмѣрная краткость и сжатость вредить ясности, дѣлаетъ слогъ сухимъ и слѣдоват. непріятнымъ; чрезмѣрное вхожденіе въ частности, продолжительное разглагольствіе утомляютъ слушателя и возбуждаютъ въ немъ скуку. Держись средняго пути, и твой слогъ будетъ хорошъ.

Слогъ долженъ быть наконецъ «естественъ», свободенъ отъ претензій и всякой эффектности.

Если ты хочешь сочинять проповѣдь, то смотри прежде всего, расположенъ ли ты къ этому. Если ты не имѣешь охоты писать, чувствуешь себя нѣсколько нехорошо и не настроенъ къ размышленію; если ты двадцать разъ вертнешь въ пальцахъ перо и между тѣмъ ни одна хорошая мысль не приходитъ въ голову: то совѣтъ нашъ тебѣ вотъ какой: «отодвинь свою работу», потому что ты истратишь много времени, а сдѣлаешь мало. Ты—можетъ быть—теперь разсѣянъ, мучишься—можетъ быть—какимъ нибудь предзанятымъ мнѣніемъ, не подумая—можетъ быть—о томъ, чтобы благоговѣнно помолиться, дабы получить свыше просвѣщеніе и благословеніе

для твоей работы,—а это важная вещь, которой ты никогда не долженъ забывать.

Если ты свое минутное нерасположеніе не можешь приписать никакой извѣстной тебѣ причинѣ; то старайся возбудить и одушевить себя чтеніемъ какого нибудь хорошаго мѣста изъ хорошей книги. Нѣсколько страницъ такой книги оказывали превосходную услугу въ подобныхъ случаяхъ.

Въ слѣдующій день все иначе. Послѣ ледянаго холода наступилъ великій жаръ; искрающійся огонь бѣжитъ по жиламъ и охватываетъ сердце. Перо сюда! перо сюда!... Подожди еще: нѣтъ, не перо! Прежде всего молитва и потомъ опять молитва! Только послѣ молитвы перо пойдетъ быстро; только тогда оно будетъ краснорѣчиво!

Итакъ послѣ молитвы приступай къ работѣ: ога ст лабога! Прежде всего, разумѣется, надобно подумать о текстѣ. Хотя нѣкоторые считаютъ этотъ обычай устарѣлымъ, но—по нашему мнѣнію—его больше всего надобно придерживаться. Даже у древнихъ писателей очень часто оставался въ заглавіи своихъ книгъ эпитафия; то почему пастырь церкви не можетъ сдѣлать того же въ началѣ своей проповѣди? Но избирай таковой текстъ, который совершенно ясно показывалъ бы, о чемъ ты хочешь проповѣдывать, даже старайся взять такой, изъ котораго предметъ развивался бы совершенно естественно, какъ зародышъ изъ зерна, которое его скрываетъ.

Только никакого длиннаго вступленія! Начало проповѣди рѣдко бываетъ слышимо всѣми. Слушатели сперва приготовляются къ слушанію; обращаются то направо то налѣво, осматриваются; часто переходятъ съ одного мѣста на другое, чтобъ поближе стать къ проповѣднику, и потомъ уже внимательно слушаютъ то, что говоритъ ораторъ. Зачѣмъ же дѣлать длинную ту часть проповѣди, которая обыкновенно такъ

мало приносить плода? Для чего давать вступленію такой объемъ, что слушатель наконецъ можетъ принять его за первую часть проповѣди, и потомъ будетъ ужасно досадовать, когда узнаетъ, что это не первая часть проповѣди, а только вступленіе? Мы должны стараться какъ можно скорѣе подойти къ своему предмету, а не заставлять слушателей очень долго ожидать, пока они узнаютъ, о чемъ должна быть рѣчь въ проповѣди.

Должно ли дѣлать раздѣленія? Должно. Нужны ли многія и подробныя дѣленія? Нѣтъ! Не теряйся въ томъ безвыходномъ лабиринтѣ, въ которомъ твои слушатели не могутъ слѣдовать за тобою. Что пользы, спрашиваю я тебя, въ этихъ раздѣленіяхъ, подраздѣленіяхъ и подподраздѣленіяхъ, которыя даютъ твоей проповѣди видъ древеснаго ствола, имѣющаго десятки суставовъ? Выскажи ясно и вразумительно двѣ или три хорошія мысли, въ которыхъ бы совершенно и полно заключался предметъ, излагаемый тобою; потомъ изъясняй каждую изъ этихъ мыслей въ извѣстномъ порядкѣ и и правильно. Такимъ образомъ все будетъ хорошо, и слушатели останутся довольны.

Что касается заключеній, то обращай вниманіе, особенно если ты говоришь безъ приготовленія, на то, чтобы ты не помѣстилъ ихъ полдюжины одно подлѣ другаго; когда ты сказалъ «я заключаю», тогда ты долженъ говорить не болѣе пяти минутъ; ничто такъ не утомляетъ слушателей, какъ это постоянное возвѣщеніе конца, который никогда не приходитъ. Заключительное увѣщаніе должно быть тепло и одушевленно!

Переходимъ къ самому «сказыванію». Здѣсь мы высказали бы очень многое, еслибы входить во всѣ частности не противорѣчило нашему плану. Считаемо нужнымъ замѣтить только слѣдующее: когда идешь къ кафедрѣ, тогда все твое существо должно показывать глубочайшую сосредоточенность,

совершеннѣйшую скромность и истинное благочестіе. Проходя чрезъ толпу народа, не осматривайся на всѣ стороны; восходи на кафедру медленно и съ благоговѣніемъ. Взошедши на кафедру, не прилично долго молчать. Но что же это? Я вижу, ты движешь губами, и все таки я не слышу ничего. Говоришь ты, или не говоришь?—Я говорю, скажешь ты.—Но я не слышу ничего, вовсе ничего. Невжели есть строгое предписаніе, чтобы изъ вступленія нельзя было слышать ни одного слова? Поистинѣ можно думать такъ, когда вилипнь, что ты до того намѣренно понижаешь свой голосъ, что даже у самой кафедры не слышно ни одного слова. И что всего удивительнѣе, часто проповѣдникъ, который такъ тихо говорить, имѣетъ отъ природы очень сильный голосъ. Избѣгай этой ошибки. Это не естественно.

Что мы сказали касательно изложенія, то повторяемъ здѣсь относительно произношенія. Будь естественъ, показывай себя, какъ ты есть. Высказывай каждое слово, и особенно важныя слова предложенія, очень развѣльно. Каждому изъ насъ извѣстно, что мы имѣемъ свой особенный голосъ, который ему свойственъ: говори съ увѣренностію, но безъ дерзости; скорее медленно, чѣмъ торопливо; не занимайся своими тѣлодвиженіями, но и не допускай въ нихъ чего нибудь смѣшнаго; они должны быть естественны и достойны; смотри на всѣхъ своихъ слушателей, но ни на кого въ особенности. Не прислоняйся къ краю кафедры. Будь спокоенъ и хладнокровенъ при изъясненіи чего либо, и нѣсколько подвижнѣе и воодушевленнѣе, когда дѣлаешь какое либо приложеніе къ слушателямъ.

Вотъ главные правила для краснорѣчиваго сказыванія проповѣди! Но противъ нихъ слишкомъ часто погрѣшаютъ, и мы не можемъ не сказать чего либо объ этихъ погрѣшеніяхъ.

Прежде всего намъ нужно беречься монотонности. Нѣкакіе проповѣдники не возбуждаютъ большей скуки въ слушателяхъ, какъ тѣ, которые имѣютъ монотонное произношеніе.

Одні говорятъ свою рѣчь почти однимъ тономъ, безъ всякаго каданса, безъ всякаго разнообразія въ движенія голоса. Это походитъ на чтеніе во время ѣды.

Другіе имѣютъ два или три каданса; но такъ какъ эти кадансы постоянно одни и тѣже, и повторяются почти совершенно на ровномъ разстояніи, то происходитъ изъ этого монотонность, которая усыпляетъ даже тѣхъ, которые прежде проповѣди не имѣли ни малѣйшей склонности ко сну. Говорить двѣ четверти часа въ одинъ и тотъ же тонъ, или говорить съ двумя или тремя измѣненіями голоса, которые постоянно остаются тѣ же,—это не дѣлаетъ никакой разницы; одно столь же не естественно, какъ и другое.

Если такой проповѣдникъ обращается съ пріятелемъ, то говоритъ совершенно живо и естественно. Посмотрите, какъ онъ прерываетъ другаго, изъясняетъ спорный вопросъ, высказываетъ свое мнѣніе, поддерживаетъ его сильнымъ, дѣйствительнымъ, или, по крайней мѣрѣ по его мнѣнію, убѣдительнымъ доказательствомъ, излагаетъ его съ жаромъ и ревностію, потомъ опровергаетъ возраженія своего противника съ возрастающимъ жаромъ; и какъ естественно, какъ разнообразно при этомъ его произношеніе! Онъ такъ занятъ своимъ дѣломъ, такъ воодушевленъ, что забываетъ, что чрезъ нѣсколько минутъ долженъ взойти на кафедру; ему напоминаютъ объ этомъ, онъ оставляетъ своего друга, отправляется въ церковь, выходитъ на кафедру—и прочь его естественное произношеніе! Теперь начинается опять монотонія; два или три періодически возвращающіеся каданса—и больше ничего. Не странно ли это?

Другіе имѣютъ сухое произношеніе. Это есть только другой родъ монотонности. Оставаясь въ своемъ произношеніи вообще совершенно ровными, они говорятъ нѣсколько высоко и въ просящемъ, жалобномъ, или лучшемъ—въ полномъ

тонъ, который въ высшей степени противоестественъ. Ихъ произношеніе имѣетъ въ себѣ нѣчто общее съ умильно просищимъ тономъ нищаго, который на краю дороги проситъ о милостыни: какъ этотъ нищій, такъ и они смотрятъ къ небу какъ опускаютъ голову на плечо; и въ такомъ родѣ излагая всю проповѣдь, они говорятъ по временамъ такія вещи, которыя требуютъ огненнаго, страстнаго произношенія.

Иные имѣютъ болѣе, даже слишкомъ много огня. Нужно думать, что они считаютъ неудовлетворительною ту проповѣдь, въ которой проповѣдникъ не кричалъ сильно огъ начала до конца, и въ заключеніи которой не сдѣлался охриплымъ. У слушателей звенитъ отъ этого въ ушахъ; они жалѣютъ проповѣдника, потому что считаютъ его очень утомившимся; но имъ вовсе не приходитъ на умъ извлекать пользу изъ того, что онъ говоритъ.

Нѣкоторые идутъ въ своемъ шумномъ увлеченіи еще дальше. Они не только кричатъ, что—въ ихъ природѣ, но ихъ ~~корпусъ и члены~~ ^{всѣ органы} всего тѣла находятся въ постоянномъ движеніи; такъ и думается, что они гальванизированы. Ихъ ноги топчутъ о полъ, между тѣмъ какъ ихъ руки или сворѣе пальцы ударяютъ о край кафедры; ихъ корпусъ свѣшивается впередъ, потомъ вдругъ откидывается назадъ, чтобы снова свѣситься впередъ; кажется, будто они хотятъ бороться съ своими слушателями и будто сожалѣютъ, что эту массу грѣшниковъ, противъ которой они такъ сильно разгорячились, не могутъ размолотъ своими руками. Это дурно!

Иные не кричатъ чрезмерно, не бываютъ слишкомъ подвижны; но имѣютъ до того быстрое произношеніе, что почти нѣтъ возможности слѣдить за ними. Къ чему такая поспѣшность? Такъ и кажется, что видишь предъ собою школьника, который со всею бѣгlostію, къ какой только способенъ его языкъ, вычитываетъ свой урокъ. Слово Божіе,

особенно въ храмѣ и предъ лицомъ Бога, должно быть воз-
вѣщаемо съ важностію и величіемъ.

Иные впадаютъ въ противоположную погрѣшность. Ихъ произношеніе такъ медленно, что и хорошо расположенные слушатели должны сдѣлаться беспокойными и нетерпѣливыми. Эти проповѣдники усвоили себѣ однажды навсегда медлительность, считаютъ ее даже цѣлесообразною, и потому не двигаются впередъ. Каждое слово у нихъ отдѣлено отъ предыдущаго и послѣдующаго на замѣтное разстояніе. Какъ скоро они начали предложеніе, то слушатели изъ первыхъ словъ его видятъ, что проповѣдникъ хочетъ сказать и готовы под-
сказывать ему. Такого рода тягучее, холодное и бездушное произношеніе можетъ только наводить скуку на слушателей.

Иные проповѣдники бываютъ нѣсколько смѣлы, чтобы не сказать дерзки, и имѣютъ, сами того не сознавая, во всемъ своемъ существѣ нѣчто неблагородное и наглое. Предъ началомъ проповѣди они разсматриваютъ своихъ слушателей, вообще и порознь, съ такой самоувѣренностію и такой миной, какъ будто хотятъ сказать: я не струшу предъ вами! Во время же самаго произношенія проповѣди такъ высоко держать голову, въ своихъ выраженіяхъ такъ высокомерны, во всемъ своемъ поведеніи такъ мало скромны и сдержанны, что даже снисходительнѣйшіе слушатели чувствуютъ себя непріятно настроенными. Есть ли это, спрошу я васъ, достоинство истиннаго священника, поведеніе апостола?

Иные впадаютъ въ противоположную погрѣшность: они слишкомъ застѣнчивы. Кафедра представляется имъ страшнымъ судилищемъ. Ихъ лицо блѣдно, губы дрожать, ихъ ноги трясутся, и ихъ колѣна ударяются нѣсколько разъ о кафедру. Совершенно не возможно, чтобы это общее безсиліе не сообщалось и словамъ; и потому они говорятъ слабо, медленно,

прерывисто, и неспособны произвести на слушателей и малѣйшаго дѣйствія.

Ободрись, юный собратъ (потому что большею частію молодые священники страдаютъ этой застѣнчивостію), ободрись! Было и не мало было священниковъ, которые боялись кафедръ, какъ и ты; но потомъ сдѣлались превосходными проповѣдниками. Молись, проси усердно и часто Бога! Онъ можетъ укрѣпить тебя, и мелочныя мечты сгрома замѣнить величественными мыслями вѣры.

Во отношеніи краснорѣчія—ничто не бываетъ холоднѣе, какъ поддѣльный жаръ. Думать, что можно возбудить и растрогать слушателей, когда мы сами ни малѣйше не возбуждены и не растроганы,—это совершенное заблужденіе. Какъ бы ты ни поднималъ глаза и руки къ небу, какъ бы убѣдительно ни взывалъ къ божественному милосердію, какое бы сладкое и любезное выраженіе ни придавалъ своимъ словамъ,—всѣ твои слушатели, даже самые необразованные, тотчасъ же видятъ и чувствуютъ, согласно ли твое сердце съ твоими словами и жестами; и если они замѣчаютъ противное, то дѣлаются тѣмъ равнодушнѣе, чѣмъ болѣе ты стараешься воодушевить ихъ.

Нужно признаться, что нѣкоторые духовные во всей своей внѣшности выставляютъ на показъ элегантность. Ихъ одежда, ихъ волосы, взглядъ, тѣлодвиженія, ихъ жесты,—все дышетъ изысканностію и жеманствомъ. Но народъ смогритъ на это дурно; онъ всегда отдаетъ предпочтеніе скромности и простотѣ.

Даже еще болѣе, даже выговоръ этихъ проповѣдниковъ часто принимаетъ какую-то жеманность. Въсто того, чтобы говорить естественно и безыскусственно, они сжуживаютъ губы и произносятъ слова въ нѣсколько сжатомъ и мягкомъ тонѣ, отчего все произношеніе ихъ получаетъ нѣчто извѣ-

женное, женственное, сладкое. Такъ не проповѣдывалъ Иисусъ Христосъ, нашъ глава и образецъ, такъ не проповѣдывали знаменитые учителя церкви, подобные Григорію Богослову, Златоусту, Августину!

Наконецъ мы хотимъ сказать еще слово о сухихъ и безсильныхъ проповѣдникахъ. Они не застѣнчивы; иначе мы помѣстили бы ихъ выше. Нѣтъ, застѣнчивость не есть ихъ слабая сторона; но они отъ природы—безъ силы и энергіи. Ничто ихъ не трогаетъ, или по крайней мѣрѣ никогда не видно, чтобы что-нибудь ихъ трогало. О самыхъ страшныхъ истинахъ они говорятъ въ такомъ же тонѣ, какъ объ утѣшительныхъ и пріятныхъ. Они не умѣютъ сообщить своему произношенію важности; въ ихъ языкѣ вовсе нѣтъ никакой силы; они вовсе не имѣютъ понятія о гладкомъ, чистомъ, сильномъ и раздѣльномъ произношеніи.—Такого рода проповѣдники не могутъ воздѣйствовать въ сердцахъ слушателя ни одного благочестиваго желанія; ихъ слова—такъ сказать—заснуть у подножія каедеды.

Послѣ проповѣди надобно прилежно молить Бога, да возраститъ Онъ и укрѣпитъ посѣянное нами; надобно строго бодрствовать надъ собою, чтобы мы не разрушали втайнѣ того блага, которое предложили народу явно.

Я признаюсь, что меня каждый разъ въ высшей степени поражало, когда я видѣлъ, что иные проповѣдники, растрогавши своихъ слушателей до вздоховъ и слезъ, почти тотчасъ же послѣ проповѣди вели себя легкомысленно, болтали вздоръ, смѣялись, и притомъ среди тѣхъ людей, на которыхъ они же задолго предъ этимъ произвели столь живое впечатлѣніе. Такой недостатокъ такта и скромности можетъ привести слушателя къ мысли, что проповѣдникъ не былъ внутренно

проникнуть тѣмъ истинами, которыя онъ возвѣщалъ съ жаромъ и воодушевленіемъ,—что это была только пустая декламація.

Итакъ будемъ всегда помнить, что наши дѣла говорятъ гораздо громче, чѣмъ краснорѣчивѣйшіе языки.

К. Сковорода.

